

УДК 316.7(09)

Социальная справедливость как фундаментальная константа белорусской государственности: философско-исторический анализ

И. А. Барсук, кандидат философских наук, старший преподаватель*

А. С. Свирид, кандидат философских наук, доцент**

В статье показывается, каким образом в современном мире можно успешно использовать условия глобализации для защиты национально-культурных ценностей от деструктивных влияний. В условиях глобализации, когда возник кризис многих коллективных идентичностей, необходимо актуализировать изучение тех составляющих многомерного феномена идентичности, которые по каким-то причинам дистанцированы от исторических корней и истоков. Авторы акцентируют внимание на философско-историческом анализе нормативной категории социальной справедливости как нравственно санкционированного порядка взаимодействия между членами общества на основе прав, выражающих равное достоинство каждого человека. Делается вывод, что идеал и ценность социальной справедливости на уровне философии права, заданные текстом нашей Конституции, находятся в русле тенденций, характерных для прогрессивных течений современной мировой общественной мысли, соединяя в себе прошлое и настоящее нашей государственности.

Ключевые слова: глобализация, национально-культурная идентичность, социальная справедливость, белорусская государственность.

Social Justice as a Fundamental Constant of Belarusian Statehood: Philosophical and Historical Analysis

I. A. Barsuk, PhD in Philosophy, Senior Lecturer

A. S. Svirid, PhD in Philosophy, Associate Professor

The article shows how to use the situation of globalization to prevent cultural values of the nation from a destructive impact successfully. In the situation of globalization when the crisis of many social identities arose we need to refresh learning of those parts of multidimensional phenomenon of identities, which have distanced from the historical roots for some reasons. The authors call attention to philosophical and historical analysis of a regulatory category of social justice as morally government-mandated order of interaction between members of society. We came to the conclusion that the ideal and the value of social justice as a part of the philosophy of law framed by Belarusian Constitution are on trend of progressive sects of the modern world's opinion, they unite past and present of Belarusian statehood.

Key words: globalization, cultural identity of the nation, social justice, Belarusian statehood.

Объективные процессы глобализации, для которых характерна надгосударственная, наднациональная, надкультурная и надличностная всеобщность, затрагивают все сферы современного общественного бытия и актуализируют процессы идентификации. Дискурс глобализации, набирающий силу и сопряженный с дискурсом национально-культурной идентичности, еще не получил системного обоснования в социальной философии, но внятно артикулирован в зарубежных и отечественных исследованиях и выступает объ-

яснительной моделью для изучения национальных культур. В зарубежных исследованиях показана смена мировоззренческих парадигм в индивидуализированном обществе (З. Бауман), где вытеснены нравственные идеалы, формируются новые коммуникативные среды (Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас), изменяются условия идентификации (У. Бек, Э. Гидденс, Р. Робертсон, С. Хантингтон).

Сегодня важно не допустить влияние объективного фона глобализации в целях навязывания политико-идеологических и социально-культурных ценностей одних государств другим и успешно использовать условия глобализации для защиты национально-культурных ценностей от деструктивных влияний. Выдвижение на первый план национальных идентичностей сформировало в России,

* Старший преподаватель кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

** Доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

Украине и Беларуси далеко не одинаковое отношение к идее восточнославянского единства в различных его интерпретациях. В публицистической литературе данную ситуацию называют «культурной шизофренией», которая ориентирована на дивергентные тенденции в исторической динамике восточнославянских народов, предполагая такую транскрипцию идеи национально-культурной идентичности, которая чревата практикой национальной замкнутости и тенденциозного неприятия иных форм социокультурного опыта.

Современная Беларусь в своем историческом самоопределении ориентирована на построение социально стабильного и вместе с тем динамично развивающегося общества, органично сочетающего в себе традиционные, прошедшие испытание временем, ориентации на связи с братскими восточнославянскими народами, и современные векторы социальной эволюции, позволяющие включиться в общеевропейский экономический, политический и культурный контекст в качестве равноправного партнера. «В системе факторов, обеспечивающих национальную безопасность Беларуси, наряду с энергетической, продовольственной... и другими формами безопасности важную роль играет духовно-нравственная (духовно-культурная) безопасность [1, с. 355]. Поэтому задачи и экономического, и социального, и политического порядка невозможно практически решать, игнорируя духовную сферу, духовную жизнь общества» [там же, с. 11]. Запоздалое осознание этого может привести к чрезмерной коммерциализации и науки, и искусства, и культуры в целом. Это связано прежде всего с тем, что почти за четыре последних столетия мир человека индустриального общества оказался существенно деформированным. В нем произошла девальвация традиционных, имеющих общечеловеческий характер, духовных ценностей, а кристаллизуемые ценности «экономического человека» сводятся к материальному обогащению и потреблению, максимизации прибыли, приоритету экономики, экономическому господству и т. п. Экономические идеи признаются универсальными и достаточными для описания всех без исключения процессов в мире. «Духовным вакуумом всеобщего релятивизма» было названо современное состояние мирового сообщества в выступлении Святейшего Патриарха Кирилла, в котором акцентируются «трагические события XX в. с его войнами, массовыми убийствами и катастрофами» [2], а современное состояние духовной культуры в Послании Папы Римского Иоанна Павла Второго по случаю Всемирного дня мира обозначено как «драматиче-

ская ситуация» [3]. То есть духовное измерение бытия оказалось скрытым за «материальным» и «фактическим».

Тем не менее за пределами экономической реальности остаются не сводимые к ней представления и понятия, которые в той или иной мере способны влиять на облик и содержание глобализационной эпохи. Как заметил А. С. Панарин, «современный человек вообще находится в состоянии перманентного социокультурного диалога..., что связано с напряжением между двумя полюсами: сферой цивилизационных универсалий — единых пространств современного мира — и сферой нередуцируемой социокультурной специфики» [4, с. 115].

В условиях глобализации, когда «возник кризис многих коллективных идентичностей» [5, с. 161], изменению подвержены все составляющие многомерного феномена идентичности, особенно те компоненты, которые «оторваны» или по каким-то причинам дистанцированы от исторических корней и истоков, имеющих исключительную оригинальность и самобытность. В теоретических работах современных исследователей можно встретить множество подходов к пониманию феномена идентичности. Значительная часть моделей предполагает разработку ядра, вокруг которого происходит формирование различных идентичностей. Однако в целом категория «коллективная идентичность» фиксирует «присущую человеку потребность ощущать себя частью более широкого множества и воспринимать такую принадлежность как ценность», позволяя преодолеть частичность конкретизированных и закрепленных в разных вариантах принимаемых человеком персональных и коллективных идентичностей [6].

В этих условиях весьма актуальным становится проблема поиска и обоснования тех феноменов коллективной памяти и духовной культуры общества, которые реально способствуют интеграции людей в коллектив, пробуждению у них коллективного самосознания и мобилизации на достижение социально значимых целей. В этом смысле этот коллективный символический капитал способствует отстаиванию самостоятельности и суверенности коллективных общностей перед унифицирующим влиянием стран — лидеров глобализационного процесса.

Социально-исторический фактор идентификации восточных славян связан с созданием к началу IX в. государства Русь, или, как его называют ученые, Киевская Русь [7, с. 10—11]. Время это связало восточных славян на северо-западе и литовцев общностью политической, культурной, религиозной жизни, способствовало «появлению

и укреплению понятий единства Руси» [8, с. 133]. Аграрные порядки явились определяющим основанием социально-исторических процессов всей эпохи Средневековья, предопределив во многом современный облик Европы. Условия хозяйственной деятельности и отсутствие излишков продуктов земледельческой деятельности препятствовали имущественно-социальной дифференциации и формированию личностного «я». «Повесть временных лет» говорит о существовании большой семьи у восточных славян уже в VIII—IX вв. Общественную структуру восточных славян отражают такие термины как «род», «дым», «рало», являвшиеся единицами фискального обложения Хазарского каганата.

Длительное сохранение коллективного труда, традиции «артельности», крестьянских «помочей», «толоки» утвердили общину восточных славян в качестве важнейшей хозяйственной и социокультурной ячейки. Кроме экономических выгод общинное бытие отличалось особой нравственной атмосферой, что дает повод говорить о моральной функции общины. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей помощь в критические моменты его жизнедеятельности. Оттого формирование крупной земельной собственности на Руси — «окняжение» — определило внутреннее расслоение в общине. В 1097 г. Любечский съезд закрепил за князьями права на земли отцов: вводится понятие волости как условного держания, жалуемого киевским князем, что лишает возможности формирования традиций частной собственности на землю. Неизбежность существования общины, обусловленная ее производительно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее грубые и жестокие политические механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда исторически обусловлено и появление крепостничества как наиболее реальной для этого региона Европы формы функционирования феодальной системы собственности на землю.

Однако белорусам и украинцам, в отличие от свойственного русским коллективизма общинного типа, авторитета общинного жизнеустройства был характерен коллективизм, выступающий как совокупность общих норм поведения, ориентирующих прежде всего на приоритет другого человека, а совместные работы были связаны с определенными периодами сельскохозяйственного сезона и ликвидацией стихийных бедствий. Введение «Уставов на волоки» в 1556 г. в ВКЛ определило правила индивидуального землепользования: фольварочная система стала основой аграрной ре-

формы, введенной Сигизмундом Августом. Земельная реформа в меньшей степени коснулась лишь регионов Днепра. В Московской Руси — до столыпинской реформы — прочная община оставалась важнейшей хозяйственной и социокультурной ячейкой.

Следует отметить, что наиболее развитых форм общинная организация достигает в исламских регионах, где кишлачную структуру деревни дополняет квартал-махалля в городе. У восточных славян подобные формы организации в неразвитом виде существовали в конце XIX — XX вв. в производственных коллективах. На землях же германского мира с начала новой эры начало формироваться частное землевладение в форме аллода, напминавшее обособленные земельные владения скандинавов — одаль, что усилило частные права землевладельцев вплоть до создания специфического западноевропейского сеньориального строя. При этом сохранялась и коллективная организация соседей-домохозяев — марка, за которой оставалось право распоряжения нераспределенными угодьями. У западных славян тесное соседство с западноевропейским миром привело к усилению сеньориальных порядков; специфическое развитие южных славян было прервано османским порабощением.

Решающим показателем процесса этнокультурной идентификации восточного славянства и важным консолидирующим фактором стало принятие им православно-христианской веры по восточно-византийскому, греческому обряду. С X в. православная идентичность, слившаяся с этнонимом «русь», способствовала ориентации на кровно-родственные связи, особенно в кризисные периоды, что приводило к победам исторического масштаба. Эмпирически это обнаруживается в особенностях коммуникации: «русы», «русские», «русины» — «братья-православные». Локально-территориальные, городские этники объединялись общим этнонимом «русы», «русские», «русины». Поэтому восточные славяне, в отличие от западных и южных славян, под влиянием социально-исторических условий создали мощную государственность, способную выживать в крайне жесткой геополитической среде, постоянно осаждаемой со всех сторон Евразийского континента.

Отсюда становится понятным, почему в восточнославянской ойкумене складываются предпосылки формирования государствообразующего начала как важного фактора в историческом самоопределении восточнославянских народов. Вместо Rechtsstaat строилось «государство правды», в идеале предполагающее подчинение «государства началу вечности» [9, с. 291—305]. Под «прав-

дой» на Руси еще со времен Илариона понимали и истину, и добродетель, и справедливость, и закон. Помимо многозначности слово «правда», особенно с большой буквы, входило в число сакральных наименований, а именно: обозначало различные грани космического идеала и высших сил, стоящих за этим идеалом. Понятие «правда» было, таким образом, задействовано в целом ряде оппозиций, где всегда представляло положительный элемент, противопоставляющийся отрицательному антониму: «Правда — Кривда». Именно князь является хранителем правды на земле и проводником божьей воли. Иларион Киевский в «Слове о Законе и Благодати» объясняет это так: «...ибо благочестие его сопряжено было с властью» [10, с. 45]. По-существу, эта установка имманентно содержит акцент на религиозно-нравственные начала «правды», характерный для традиционалистской цивилизации Востока приоритет морали как регулятора межличностных и общественных отношений.

Соединение идеала справедливости и идеала сильного государства было выражением традиционно-общинного менталитета. Не случайно славянофил И. Киреевский утверждал, что через истину народ «прежде всего ищет составить понятие о высшем существе, о его отношении к миру и человеку, о начале добра и зла, о создании и устройстве вселенной, о нравственной законности человеческих поступков, о правде и грехе, о первоначальном законе человеческих отношений, семейных и общественных; о возможности внутреннего усовершенствования человека... [11, с. 226]. Поэтому деятельности царя, безусловного и неограниченного повелителя, «вся Русская земля государям государь», придается большое значение. Само слово «царь» выступало как сакральное; имя царя признавалось созданным Богом; царский титул противопоставлялся всем остальным как имеющий божественную природу. Глава Православного Царства призван быть земным образом Царя Небесного. При этом важным было представление о соединении в руках царя власти и права собственности на землю (такой контроль над перераспределением земли утверждается в XV—XVI вв). Первые шаги в направлении правового феодального государства в Московском княжестве были предприняты лишь в конце XVI — начале XVII в. в период Смутного времени. В ВКЛ в тот же период великий князь теряет власть над собственностью, принадлежащей уже должности, а не личности.

В традиционных для Киевской Руси литературно-исторических формах сложилось представление о нравственном идеале и возникло четкое раз-

деление идеала светского и духовного. Светский нравственный идеал выражен в образе «справедливого и умного князя». Князь воспринимался как исполнитель мирского служения Богу, его жизнь в миру соотносилась с подвигом монаха вне мира. В частности, постриги — обряд пострижения волос, совершаемый над князем-ребенком — напоминали монашеский постриг [12, с. 113].

В ВКЛ самодержавно-монархическая идея не стала реальностью политической жизни, несмотря на попытку рассмотрения истории государства с точки зрения централизованной власти в «Летописце великих князей литовских» и «Похвале Витовту». В ВКЛ получает, напротив, развитие местное самоуправление, так как возникновение ВКЛ как государства явилось в значительной степени результатом компромисса между литовской знатью и местным восточнославянским боярством при поддержке горожан. Отношения между центром и отдельными регионами (Полоцкие, Витебские земли, Мстиславское и другие княжества) носили договорный характер, строились с учетом их исторической, этнической специфики и традиций. Нормы «обычного права» фиксировались в различных юридических актах по мере развития правового сознания — это общеземские, областные грамоты (привилеи), волостные грамоты на Магдебургское право, Судебник Казимира 1468 г., Статуты Великого княжества Литовского. В ВКЛ утверждается относительно либеральная политическая система, религиозно-конфессиональный плюрализм. В ВКЛ ставилось во главу угла право как высшая социальную ценность, как всеобщий социокультурный регулятор, охватывающий общественную систему, которая объединяла общество в целом. Причем правовые законы были наполнены существенным моральным смыслом. Взаимодействие морального и этического постулируется уже в эпиграфах к Статуту 1588 г., в которых говорится про зависимость правосудия от справедливости. Однако уже в XVI—XVII вв. складывается особая разновидность шляхетской «сарматской» культуры с ее идеализацией политического строя Речи Посполитой. В какой-то степени откликом на ситуацию можно считать сочинение Михалона Литвина, адресованное великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду II Августу «О нравах татар, литовцев и москвитян», которое не согласуется с характерным для шляхетской ментальности и идеологии культом свободы.

В контексте восточнославянской истории ценность коллективного образа жизни получила отражение в понимании государства как важнейшей организующе-регулятивной силы, гаранта ста-

бильности общества и его тесном взаимодействии с гражданским обществом. В громадном политическом теле-государстве, как в теле человека, только тогда могут быть порядок и согласие, когда все силы и органы действуют по манию единой души. И в этом согласном действовании по закону единого нерушима истина и свобода каждого. Показательно в этом плане стремление к идеалу «народного государства» как государства, вырастающего из гражданского общества. Здесь можно усмотреть влияние тернарной субстанциальной системы социума на сглаживание оппозиции государства и гражданского общества, что характерно для континентальной традиции в философско-политической мысли. Опыт постсоветского общественного развития показал, что глубинной сутью поляризации общества является неумение наладить конструктивный диалог между разными социальными группами и, следовательно, моделями истолкования справедливости. Уже в годы общественно-экономической перестройки конца 1980 — начала 1990 г. ценность коллективизма в общественно-политическом сознании стала разрушаться, приоритет стал отдаваться индивидуализму, подчеркивавшему приоритет личностных целей и интересов, свободу индивида от общества. Но все же можно констатировать, что индивидуалистические ценности так и не смогли стать господствующими для восточнославянских народов. Возможно, это связано с тем, что они еще не успели завоевать лидерство; но возможно и то, что в рамках нашей традиции индивидуализм не может стать доминирующим мировоззрением, поскольку противоречит основополагающим традиционным принципам восточных славян.

Учитывая специфику системной трансформации переходного общества, к которым относятся и Республика Беларусь, в современном социально-экономическом и политическом контексте актуальность представляет обращение к идеям современных западных политико-правовых теорий. Современное белорусское общество нуждается в формировании таких теоретических моделей, которые бы учитывали традиции восточнославянской культуры и истории в контексте мирового цивилизационного процесса и тенденции, характерные для прогрессивных течений современной мировой общественной мысли.

Так, например, один из известных представителей современной политической философии Джон Ролз выдвинул концепцию справедливости как честности, посвященную разработке универсальных принципов устройства общества, изложенную в его работе «Теория справедливости», репрезентирующей особую интерпретацию идей обще-

ственного договора. Центральной категорией философско-политической концепции Дж. Ролза является справедливость, понимаемая не только как честность и правильность, но главным образом как процессуально-конституционная справедливость, которая обеспечивается за счет наличия и действия в развитом обществе правовых норм, основанных на фундаменте закона. В то же время концепция справедливости как честности носит и процедурный характер, предполагая обязательное наличие принципа равенства. Исходя из этого, мыслитель строго придерживается принципа справедливого распределения общественных благ, согласно которому любое распределение с равными полезностями между членами общества предпочтительнее любого другого распределения. «Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом» [13, с. 19]. Большую роль занимает в концепции Дж. Ролза понятие первичного блага, соотносимое с такими категориями, как свобода, равные возможности, уровень материального достатка.

Таким образом, представления о справедливости являются тем общим ценностным знаменателем, который позволяет выносить суждения об оправданности существования социально-политических структур, в пределах которых протекает жизнь каждого человека. На основе применения этой нормативной категории решается вопрос о том, стоит ли принять окружающую социальную действительность в том виде, как она есть, стоит ли пытаться ее корректировать или же необходимо, расшатав несущие конструкции социума, полностью изменить лицо известного мира общественных и политических отношений. Любые принципы справедливости имеют смысл только на фоне определенным образом структурированной социальной реальности, особенности которой и превращаются в предпосылку поиска справедливой системы взаимоотношений между членами общества. Справедливость есть представление о должном, нравственно санкционированном порядке взаимодействия между членами общества, который задан соразмерностью выгод и потерь, преимуществ и тягот совместной жизни на основе прав, выражающих равное нравственное достоинство каждого человека, обязанностей, определяющих степень участия индивидов в поддержании общественной кооперации, а также качества совершаемых ими поступков, которое создает принцип дифференциации прав и обязанностей. Идеал и ценность социальной справедливости на уровне философии права, заданные текстом

нашей Конституции, находятся в русле тенденций, характерных для прогрессивных течений современной мировой общественной мысли, соединяя в себе прошлое и настоящее нашей государственности. Достижение этого идеала предполагает гармонизацию отношений между государством и гражданским обществом, что проявляется в деятельности Национального собрания Республики Беларусь. Учреждение президентства в Беларуси открыло новый этап в развитии белорусской государственности. Начиная с этого времени национальная государственность нашего народа обретает надежный политический и правовой фундамент, становится важным фактором региональной и мировой геополитики. Государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции Беларуси и принятых в соответствии с ней актов законодательства. Тем самым утверждается и реализуется принцип верховенства права.

Список цитированных источников

1. Адуло, Т. И. В поисках сущности бытия: философия на рубеже XX—XXI веков / Т. И. Адуло. — Минск, 2011.
2. Святейший Патриарх Кирилл. Русская церковь и европейская культура // Эксперт: всероссийский еженедельный деловой и экономический журнал. — М., 2010. — № 4. — С. 4—6.
3. Послание Папы Римского Иоанна Павла Второго по случаю Всемирного дня мира, Ватикан, 1 янв. 2005 г. [Электронный ресурс] // Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности. — Режим доступа: http://www.koltunov.ru/Other/Kolin_DuhovnayaKulturaObshestva.htm. — Дата доступа: 02.09.2010.
4. Панарин, А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI в. / А. С. Панарин. — М., 1998.
5. Лекторский, В. А. Философия, познание, культура / В. А. Лекторский. — М., 2012.
6. Астафьева, О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории [Электронный ресурс]. — 2010. — Т. 4: Человек в поисках идентичности / под ред. Ю. И. Резника и М. В. Тлостановой. — С. 255—281.
7. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. Рыбаков. — М., 1993.
8. Мавродин, В. В. Происхождение русского народа / В. В. Мавродин. — Л., 1978.
9. Шахматов, М. Государство правды (опыт по истории государственных идеалов в России) / М. Шахматов // Евразийский временник. — Кн. 4. — Берлин, 1925. — С. 291—305.
10. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Иларион. — М., 1994.
11. Киреевский, И. В. Критика и эстетика / И. В. Киреевский. — М., 2008.
12. Ранчин, А. М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях / А. М. Ранчин. — М., 2007.
13. Грязин, И. Н. Аналитическая философия права. Современные тенденции: аналитический обзор / И. Н. Грязин // Современная аналитическая философия: сб. обзоров. — М., 1988. — Вып. 1. — С. 110—126.

Дата поступления в редакцию: 19.05.2014 г.